

Россия: критика исторического опыта*

Завершаем начатую а предыдущем номере публикацию «круглого стола», посвященного обсуждению книги Л. Ахиезера «Россия: критика исторического опыта». Напоминаем участников обсуждения: кандидат философских наук Александр АХИЕЗЕР, кандидат исторических наук Игорь ИОНОВ, кандидат философских наук Сусанна МАТВЕЕВА, доктор экономических наук Сергей ПРОНИН, доктор философских наук Аркадий ПРИГОЖИЙ, кандидат экономических наук Борис СЛАВНЫЙ, кандидат философских наук Игорь ЯКОВЕНКО. Наиболее интересные моменты обсуждения обобщены редактором отдела социально-экономических проблем «ОНС» Наталией ПЛИСКЕВИЧ.

Н. Плискевич. В прошлый раз мы говорили о методологической новизне книги Ахиезера. Обсуждение подвело нас к вопросу о значении этой методологии для анализа процессов, протекающих в современном российском обществе.

Естественно, речь пойдет прежде всего об исторических циклах, занимающих в концепции Ахиезера одно из основных мест. Здесь тоже можно много сказать на тему о традициях и новаторстве. Ведь о цикличности, скажем, социально-экономических процессов уже немало написано. Причем можно вспомнить не только западную традицию, но и отечественную, например работы Н. Кондратьева. Поэтому важно, как интерпретируется это понятие.

Ахиезер определяет исторический цикл как более или менее ярко выраженные повторения в истории, колебания, пульсации тех или иных важных массовых характеристик общества. Человеческая история — это не только движение по пути прогресса. Существует и гигантская инерция истории, т. е. стремление следовать прошлому опыту, запечатленному в культуре, экстраполировать его в настоящее и будущее, воспроизводить сложившиеся образцы. Поэтому у Ахиезера речь идет не просто о циклах, а об *инверсионных циклах* как колебаниях массового сознания от одной крайности к другой, от одного нравственного идеала к противоположному и обратно. При этом важнейшим элементом такого колебания является возникновение в массовом сознании при приближении к критической точке дискомфортного состояния, вызывающего активное противодействие продвижению в избранном направлении и стимулирующего потребность вернуться к комфортному состоянию, которое, кстати, отнюдь не всегда оценивается адекватно. В условиях господства инверсии циклы могут практически не развиваться, и общество будет топтаться на месте. Но по мере исторического развития, по мере отказа от абсолютизации полярностей, по

* Начало см. и № 5, 1992.

мере развития диалога инверсия становится более вялой и, соответственно, модифицируется цикл.

С. Матвеева. Я бы тоже хотела несколько слов сказать о циклах. Когда мы говорим о России, мы имеем дело не с традиционной и не с современной либеральной цивилизацией, а с цивилизацией промежуточной. В этом, по-моему, самобытность циклического развития российской цивилизации. Для такой цивилизации характерны не циклы вообще, а циклы модифицированные, обладающие закономерностями, отличными от простых инверсионных циклов. Логика этих циклов занимает большое место в описании исторических событий, прослеженных в книге. Может быть, как раз поэтому Ахиезер с напряженным вниманием прослеживает, как воздействуют на развитие и срединная культура, и медиация, и ростки, либерализации социальных слоев и отношений, и либеральные идеологии, как они все время сдвигают нас с жесткости циклов, как они все время пытаются противостоять катастрофизму этих циклов.

Поэтому, говоря о будущем России, я думаю, что циклы будут существовать в любой ситуации (ведь, видимо, это ритмы, имеющие всеобщий характер). Проблема же стоит немного по-другому. Сумеет ли мы избежать катастрофы при неизбежном наступлении следующего витка циклов, окажется ли он в достаточной степени сглаженным развивающимися процессами медиации, срединной культуры, либерализма, развития рыночных отношений и всего того, что мы сейчас пытаемся сделать, чтобы наше общество продвинулось по пути к либеральной цивилизации. Что касается самого вхождения в эту цивилизацию, то о нем мы сможем говорить только тогда, когда у нас действительно установится правовое государство, образуются структуры гражданского общества, настоящий, а не псевдорынок. Этот путь, как мне кажется, является центром внимания теории Ахиезера. И потому им используются такие понятия: псевдокапитал, псевдорынок, псевдосинкретизм как нравственный идеал, который порождает весь этот тип отношений. Движемся мы пока именно в этих рамках.

И. Яковенко. Если мы воспринимаем русский феномен как социокультурное целое, как системный объект, то возникает вопрос, когда он сформировался. Я думаю, что формированию культуры как системного целого предшествует процесс собирания разного рода материала, того, что сливается в разного рода этнический и культурный сплав. И когда однажды формируются нация и культура, то происходит некая кристаллизация, некое усвоение целого, противостоящие изменяющему воздействию. Образуется некое целое, но это целое не есть целое вечное. В одних вариантах исторического развития это целое исчезает вместе со своим носителем, в других — происходит перекристаллизация, изменение системного объекта.

Я убежден, что любой цивилизационный системный объект может воспринимать качественно инородные воздействия до определенного предела. Такое восприятие порождает явление раскола, о котором мы говорили, оно вызывает различные движения внутри системного целого, и за каким-то пределом происходит его распад как целого, его перекристаллизация.

После такой общей преамбулы я позволю себе заявить, что, по моему ощущению, мы сейчас находимся на этом пороге восприятия качественно иного, оно даже перехлестнуло тот предел, до которого системное целое остается неизменным. Мы переходим к новому качеству, и одно из косвенных свидетельств тому — книга Ахиезера. Такие книги пишутся тогда, когда само явление умерло. В ком оно сегодня идеально воплощено? В стари-

ках-сталинистах, в некоторых персонажах В. Распутина и В. Белова, в нынешнем палеоправославии (отличном от православия модернизированного) и т. п. В поколениях моложе 30 лет происходит суженное воспроизводство традиционной типологии сознания.

Конечно, все, о чем я сейчас сказал,— экспертные оценки. Их трудно просчитать, объективировать по каким-то критериям. Но если говорить о будущем России, то сами эти изменения не означают ее исчезновения как социокультурного феномена. Ясно, что в новый синтез перейдут многие элементы старого качества. Но, нравится это кому-то или не нравится, Россия входит в некий новый этап развития личностного сознания, на котором очень важные для нас сегодня привычные и естественные личностные характеристики отойдут в прошлое, будут отчуждены, станут чистой историей.

Я не верю в возможность дальнейшего прорабатывания этих циклов, потому что, когда я погружаю в общемировой контекст нашу сегодняшнюю традицию, ищу способы ее сочетания с традицией мировой, я не вижу такого сочетания. Ведь до сих пор наша традиция покоилась, в частности, и на зажиме информации, поступающей с Запада. Но возможности зажимать информационный поток были полностью исчерпаны в 70-е годы. Такие приметы сегодняшнего дня, как видеотехника, спутниковые антенны, компьютеры, принтеры делают, в принципе, невозможным ограничение информационных связей. Общество, которое представляла собой традиционная Россия, не может существовать в условиях полностью раскрытого культурного потока.

С моей точки зрения, прогнозы на будущее в свете концепции Ахиезера могут состоять в выявлении элементов нового системного целого, в представлении сценариев того, что будет уходить, что будет разрушаться, а что взрывно разваливаться. Будет ли это уход одних поколений и их замещение другими, или это будет активная война культур. Можно, например, отместить тенденцию противостояния поколений по чисто языковому каналу. Чем дальше, тем больше мы будем сталкиваться с ситуацией, когда значительный поток информации будет идти на английском языке, и рождающиеся ныне поколения будут билингвами. Это, по-моему, может стать самостоятельной темой дальнейших исследований.

С. Пронин. По-моему, ключевой вопрос, интересующий всех,— разорвется ли этот замкнутый круг инверсионного болтания, какова наша перспектива. И здесь надо спокойно взвесить факторы «за» и «против». Я коснусь лишь технико-экономических факторов. В теории стадий роста У. Ростоу есть выделение трех периодов развития: 1) период становления рыночной экономики продолжительностью в столетие; 2) 20—30-летний экономический взрыв; 3) пологое, устойчивое развитие на уровне либо поздней стадии индустриального общества, либо постиндустриального общества. Безусловно, у нас эти периоды будут спрессованы во времени, во-первых, потому, что наше общество также находится на достаточно высокой стадии экономического развития и, во-вторых, благодаря открытости миру, о которой мы много говорили.

Я не говорю о возобновлении собственно экономического роста. По моим расчетам, он начнется приблизительно со второй половины 1994 года. Но этот рост — лишь предпосылка для выхода российской государственности, всего народа из кризиса эпохального типа. И, думаю, в этой всеобщей хозяйственной, организационной, ментальной трансформации нас ждет десятилетие развития по умеренно-авторитарному варианту, который будет обеспечивать формирование не только рыночных структур и рыночного сознания, но и демократического менталитета, и новой культуры. В это десятилетие войдут и период кризиса (политического, экономического), и

период стабилизации и подъема. И лишь в начале следующего века можно ожидать столь желанного принципиального качественного прорыва, перехода на новую стадию цивилизационного роста, в котором Россия вновь окажется в кругу ведущих стран мира.

И. Ионов. Мне хотелось бы, чтобы мы вырвались из этого цикла. Но здесь надо учитывать еще одно обстоятельство. Сами циклические колебания свойственны не только нам, существуют и колебательные движения общемирового масштаба. Но в России они могут обернуться своей страшной стороной именно из-за нашего вечного стремления к счастью, к абсолютному результату. Проблема состоит в том, что целесообразная деятельность никогда не дает абсолютного результата. Урожай в принципе не бывает слишком большим. Абсолютный результат дает только то, что И. Кант называл «ценностной целесообразностью», т. е. ценностно ориентированная деятельность. Когда человек молится, он достигает абсолютного результата — единства с целым, с высшим. И родовое существование человека — тоже абсолютный результат, ощущение себя защищенным со всех сторон целым, общим. Это мощнейшая тенденция, на которой зиждется весь фундаментализм — африканский, индийский и т. д.

Конечно, мы можем попытаться, как американцы, прагматически свести свои ценности к реализации потребностей. Очень возможно, что двадцатилетние пойдут именно по этой дороге. Но проблема в том, что у массы населения такой подход создает грандиозный внутренний дискомфорт, особенно при нашей неспособности эти самые потребности удовлетворить. Потому что у нас сейчас еще нет экономики в широких масштабах. И сопротивление любой рационализации огромное. Здесь не только противоречие между целесообразной и ценностной деятельностью, здесь само движение к целесообразности внутренне тормозится. И это тенденции, которые отнюдь не обнадеживают. Столкновение социальных сил в переходный период (и к этому надо быть готовым) будет таково, что вполне возможна блокировка процесса раскрытия страны миру.

Социализм был проявлением антицивилизационного движения, если понимать под проявлениями цивилизации европейскую цивилизацию. В этом плане мы действительно были авангардом — «третьего мира». Таковыми мы все-таки пока остаемся. И это может вновь проявиться даже в более странных формах, чем в германском фашизме. Ибо там все же была иная культурная основа, которая, когда верхушечные государственные формы сменились и на место А. Гитлера пришел Л. Эрхард, вновь начала функционировать. У нас же стремление к счастью как абсолютному результату может сыграть совершенно иную роль. Оно способно вновь и вновь воспроизводить те государственные формы, от которых мы пытаемся уйти. Ведь истоки-то внутри...

И. Яковенко. Но я хотел бы заметить, что два института, рождавшие и воспроизводившие традиционное сознание — сельский мир и традиционная семья, — скончались. Я не вижу иных социокультурных структур, где бы воспроизводился традиционализм. Если это еще и происходит, то по чистой инерции. А инерция не бесконечна. И вновь повторюсь, что почва для традиционализма стремительно сужается, и расширяется поле деятельности для более молодых и энергичных носителей рационализированного сознания.

Н. Плискевич. Очень хотелось быть столь же оптимистичной, но я бы обратила внимание еще на один момент, на то, как этот новый рационализированный мир стыкуется с нашей традиционной иррациональной материальной базой, с тем, что мы привыкли называть нашими производи-

тельными силами. Носитель рационализированного сознания, чуждый поисков абстрактного идеала, сталкивается с тем, что ему нужно жить здесь и сейчас, устраивать свою жизнь в соответствии с тем, что его сегодня окружает. И отнюдь не исключено, что, столкнувшись с тем, как на эту кристаллическую решетку отечественных производительных сил накладываются совершенно чуждые ей рыночные отношения, и почувствовав образующееся от этого гигантское напряжение, сам рациональный человек в силу всех наших катаклизмов и сложностей может отшатнуться от той рациональности, на которую вами возлагались такие надежды. Либо, если он сознательно строит свое благополучие, опираясь на факторы неустойчивости, общего развала, присущего переходному периоду, то он как человек «рациональный» будет стремиться продлить этот развал на возможно более длительный срок. И силы, на которые смотрят как на силы созидательные, могут обернуться противоположной стороной и стать силами деструктивными, провоцирующими социальный взрыв и откат назад. Здесь, по-моему, тоже есть проблема и очень большая.

С. Матвеева. Мне кажется, что сейчас наш разговор принял несколько психологический оттенок. Я бы все же вернулась к общим логическим предположениям теории Ахиезера, которые позволяют нам делать прогнозные оценки, и обратила внимание на предложенный им аппарат биполярных оппозиций. И в плане прогнозов на будущее я обратила бы внимание на одну деталь. У Ахиезера в оппозиции авторитаризму дана не демократия, а локализм. И в этом смысле как раз сейчас на нашем настоящем мы можем отчасти проверить, адекватен ли предложенный нам понятийный аппарат.

Противопоставление авторитаризма и локализма — один из важнейших моментов теории Ахиезера. На массовом уровне оно проявляется в противоречиях между Центром (центральной властью) и местными властями. Центральные силы подрываются локализмом, который обескровливает центры власти, лишает их социальной энергии. Можно сказать, что власть растекается по капиллярам, распыляется до каких-то нижайших пределов, до отдельного колхоза или предприятия.

Конечно, у нас растут и новые силы — экономические, рациональные и т. п., — но здесь важно, по-моему, пропорциональное соотношение: до какого уровня дошел этот процесс, способен ли он переломить наши генеральные тенденции. Ведь явления отчуждения от непривычного мира мы встречаем на каждом шагу. Сколько людей захочет замкнуться в своих локальных мирах, отгородиться от всего того, что на нас сейчас нахлынуло. Такое замыкание нельзя просто квалифицировать как традиционалистское. Здесь действуют какие-то иные формы, может быть маргинальные или псевдоформы. Но сами по себе они способны вызвать бесчисленные следствия. И одно из таких следствий, как мне кажется, представляет собой процесс разрушения государственности.

Мы говорим о крушении имперского сознания, о распаде империи, потому что прежде всего откалываются окраины. Но, по сути, если обратиться к концепции Ахиезера, это не просто распад империи. Идет такой отток социальной энергии от центра, такая ширящаяся локалистская социокультурная волна, которую более адекватно было бы рассматривать как распад России. Потому что она приводит к выделению бесчисленных локальных центров. И сегодня трудно сказать, на каком уровне этот процесс задержится — на уровне регионов (например Дальневосточного, Уральского) или на уровне предприятий и даже аулов, пытающихся захватить свои ресурсы. Объяснения этому процессу надо искать (что и делает Ахиезер) не в сфере социальной психологии, а в социально-экономической области. В ходе процессов локализации мы видим появление множества самых разнообразных монополистов — держателей дефицита. Создаются некие весьма специфици-

ческие структуры, опирающиеся именно на монополию на дефицит. И то, что происходит в нашей экономике, мне трудно назвать модернизацией. Это не типично рыночное общество; здесь есть какие-то анклав, которые весьма специфически взаимодействуют между собой.

А. Пригожин. Когда мы говорим о выходе из современного социокультурного состояния, речь заходит о рационализации. Но если мы касаемся темы рационализации, то я хотел бы сказать о том, какой вклад в дело управления преобразованиями могла бы внести теория Ахиезера. В социологии (точнее — в социальной философии) есть два типа прогноза — самоотрицающий и самореализующийся. Примером самореализующегося прогноза может служить история Эдипа, который делал все, чтобы избежать предсказанной судьбы, но каждым своим поступком приближал исполнение предсказания. Или история князя Олега...

Но есть прогноз самоотрицающий, когда говорят, что вас ждут такие-то и такие-то неприятности, и вы начинаете к этому готовиться, стремиться смягчить их, что-то предпринять. В результате либо все проходит крайне мягко, либо не сбывается вовсе. По-моему, нечто подобное мы наблюдаем сейчас. Сколько было ужасных прогнозов, что мы не переживем зиму, что либерализация цен вызовет бунты и т. д. и т. п. Но подготовленные такими предсказаниями мы, во-первых, предпринимали какие-то меры и смягчали последствия тяжелых ударов, а, во-вторых, воспринимали вызванные реформами ухудшения как неизбежные, а отсюда вялость реакции протеста.

И сегодня, по-моему, важен не только факт открытия инверсионных циклов, важно и отношение к этому всего общества. Надо говорить ему об опасностях, о том, что мы разваливаемся, что нас ожидает новый инверсионный поворот. И тогда не исключено, что напуганное общество мобилизуется и найдет в себе силы что-то противопоставить судьбе.

С. Матвеева. Но тогда речь должна идти о некоем рывке в самопознании, в общественном самосознании.

А. Пригожин. Конечно. В чем особенность такого рода исследований? В том, что они становятся базой, основой интерпретаций, трактовок, дискуссий на самых разных уровнях. И, становясь всеобщими, они дают начало новому витку общественного самопознания.

А. Ахиезер. Я также хотел бы в заключение сказать несколько слов о циклах. Циклы, определенные колебательные процессы можно найти в любом обществе. Они существуют в различных формах: от циклов, связанных со стремлением общества приспособиться к природным ритмам, до экономических циклов, колебаний политических пристрастий общества и даже изменений, связанных с обычной модой. Природа циклов, которые интересуют меня, сопряжена с массовыми нравственными изменениями, лежащими в основе массового поведения людей. Например, в основе колебаний общества от признания в качестве высшей ценности авторитаризма до признания в качестве таковой суверенитета даже самых мелких сообществ. Возможность колебаний подобного рода заложена, по-моему, в первичной клеточке культуры, в такой ее форме, как дуальная оппозиция (добро—зло, развитие—неизменность, интеграция—распад и т. д.), нацеленная на постоянное колебание процесса осмысления.

Массовые процессы также подчинены этому колебательному движению. Человеческая история знает формирование более сложных циклов, включающих некоторую последовательность колебаний, превращающихся в некоторый массовый стереотип, которому подчиняется исторический процесс. При этом складываются определенные периоды, этапы истории. Мне пред-

ставляется, что познание этих циклов, исторических ритмов исключительно важно не только с теоретической, но и с практической стороны.

Это знание может лечь в основу прогнозов, ибо общество в движении от прошлого к будущему подчиняется определенной инерции накопленного исторического опыта. Разумеется, здесь нет фатальной предопределенности. Циклы не навязаны обществу извне, но являются содержанием самой массовой воспроизводственной деятельности. Люди, накапливая культурный опыт, приобретая новые знания, следуя новым ценностям, могут преодолеть ограниченность своего опыта, историческую инерцию. Очевидно, предметом исследования должны быть не только циклы в той форме, как они сложились в истории, но и реальная конкретная историческая мера способности их преодолевать. Никакая серьезная реформа, игнорирующая реальную меру массовой способности преодоления циклов, не может рассчитывать на успех.

Сегодня приходится признать, что мы вновь следуем исторической инерции. При этом важно видеть, что продолжение циклического движения во все более сложных условиях приобретает дезорганизующий, разрушительный характер. И здесь нужны тонкие, хорошо взвешенные социально-экономические решения, выявление и поддержка сил, способных вывести общество к качественно новому состоянию.

Мы вновь пытаемся в иных формах повторить цикл, который был начат в 1917 году. Это, разумеется, не значит, что нам угрожает полное повторение. Многие процессы возвращаются к нам как бы с обратным знаком. Например, если после октября 1917 г. общество резко повернулось к натурализации хозяйственных отношений, то теперь мы столь же резко и непримиримо пытаемся повернуться к рынку, забывая, что любое хорошее дело можно погубить, не соблюдая меру и сокрушая все, что противостоит некоторой заранее заданной установке.

Нас объединяют с прошлым не только скачкообразный метод перехода, от одной крайности к другой, но и мощная активизация локализма, хозяйственный и политический распад общества, исключительная слабость власти на всех уровнях. Функционирующее сегодня общественное целое опустилось на какой-то этаж, где никто еще не бывал. Вместо рынка идут процессы перераспределения сфер влияния между разными типами монополии на дефицит. Это объективно сегодня более значимо, чем развитие рынка, который имеет тенденцию превратиться в элитарный рынок для немногих. Результатом может стать новый поворот цикла, т. е. возврат к попыткам административного распределения ресурсов, который рано или поздно вновь сменится противоположной тенденцией. Главная опасность, по-моему, заключается в том, что общество не знает закономерностей этих резких поворотов, т. е. не вышло из-под господства стихийных, подчас разрушительных сил. Это должно нацеливать нас не на новые безумные прыжки, влекущие очередное падение, а на поиск спокойных решений, учитывающих выявляемые наукой пласты реальности.

В целом же я бы сказал, что есть некая логика развития культуры (хотя слово «логика» может быть слишком жесткое). Сегодня мы видим, как разрушаются какие-то старые субкультурные образования. И проблема, по-моему, в том, сможем ли мы из обломков традиционной культуры создать что-то новое. А в процессе изучения нового важно не забывать, что культура уцелевает и находит воплощение в новых структурных формах, в новых типах организаций. Казалось бы. современная форма может стать футляром для самого традиционного социокультурного содержания. И одна из задач, по-моему, состоит в том, чтобы беспристрастно обнажать скрытое прогрессивными формами псевдоноваторское традиционалистское содержание.